
СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО КАРТИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

И.А. Скалабан

Кафедра социальной работы и социальной антропологии
Новосибирский государственный технический университет
пр-т К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630092

Стимулирование общественного участия в условиях социального реформирования в социально-территориальных общностях невозможно без ясного понимания его особенностей и потенциала. В статье рассматривается один из редко используемых методов диагностики общественного участия в социально-пространственном контексте — метод социального картирования. Раскрывается сущность метода, выделяются и характеризуются основные стратегии социального картирования общественного участия, используемые в современной зарубежной и российской практике социальных исследований.

Ключевые слова: общественное участие, социальное участие, социальное пространство, социально-территориальная общность, социальное картирование, совместное картирование, исследование действием.

Многие проекты реформирования социальной и хозяйственной сферы современного российского общества в качестве неперемного условия реализации предполагают участие в них населения через повышение социальной ответственности, привлечение человеческого, социального капитала, организационных ресурсов, делегирование полномочий объединениям жителей локальных территориальных общностей. Где-то эти процессы идут относительно успешно, но часто ожидания представителей органов власти — инициаторов и организаторов реформ — в отношении интенсивности и характера общественного участия не оправдываются. Несмотря на открывающиеся перспективы и возможности, жители не торопятся в массовом порядке создавать территориальные органы общественного самоуправления, товарищества собственников жилья, инициативные группы, участвовать в публичных слушаниях, общественных советах и т.д. Постепенно в местных органах власти ожидание активного общественного участия сменяется разочарованием и формированием противоположных установок «неожидания». Это проявляется в понижении внимания к развитию институциональных аспектов общественного диалога, негативном отношении к «неожиданным» протестным формам участия граждан во взаимодействии с органами власти, недоверии к деятельности независимых общественных групп и т.д.

Одной из причин данных проблем является отсутствие при проектировании социальных преобразований отчетливых представлений о количественных и качественных характеристиках потенциала общественного участия целевых групп. Чаще всего он оценивается или интуитивно, или через оценку количества и степени активности формализованных групп, в то время как социальное пространство общественного участия существенно шире и не ограничивается проявлениями

активности зарегистрированных общественных объединений и их деятельностью по взаимодействию с властью.

Эти обстоятельства и определяют необходимость более глубокого анализа общественного участия, его потенциала и методов диагностики. Оговоримся: общественное участие рассматривается здесь как обобщенное понятие. Оно включает в себя гражданское и социальное участие: первое направлено на удовлетворение общественных интересов за счет участия граждан в процессе планирования и принятия решений совместно с органами власти, гражданском контроле за их исполнением, т.е. представляет собой перераспределение власти, «вовлечение управляемых в управление» [10. С. 172]; второе — на удовлетворение общественных интересов отдельных индивидов и групп в повседневной жизни, «в пространстве для деятельности, не заполненном государством и рынком» [17. С. 5] через участие в деятельности различных местных ассоциаций и неформальных групп, поддержание традиций, оказание взаимной помощи, поддержку местных социальных учреждений и организаций и пр. [24. С. 4—5; 16. С. 5]. Будучи «ситуативной практикой», реализуемой в территориальном и социальном пространстве с присущими политическими, социальными, культурными и историческими особенностями [19. С. 51], участие обладает определенным потенциалом. Под ним понимается обобщенная характеристика скрытых, неактуализированных возможностей и ресурсов населения, которые могут использоваться для вовлечения и участия в решении социально значимых проблем.

Как часть структуры социального пространства, участие может «опредмечиваться» в самых разнообразных контекстах пространственных оппозиций обитаемого физического пространства [1. С. 34] и, соответственно, зависит от их особенностей. Потому участие обладает не только социальными, но и пространственными характеристиками, которые также должны учитываться при его анализе и прогнозировании.

Одним из перспективных методов, позволяющих осуществлять анализ общественного участия в конкретных пространственных границах, в частности в социально-территориальных общностях, может выступать метод социального картирования. Цель данной статьи — рассмотреть перспективы и стратегии использования метода социального картирования для анализа потенциала и характера общественного участия населения конкретной социально-территориальной общности.

Социальное картирование представляет собой один из видов моделирования, предполагающий возможность графической репрезентации, визуализации или последовательного описания социальных и социально-пространственных объектов и процессов. Возникнув как метод отображения социально-демографических и социально-экономических показателей на картографической основе, современное социальное картирование представляет собой группу методик, основанных на различных теоретико-методологических подходах и направленных на решение разнообразных и часто разнонаправленных задач.

Как инструмент диагностики и анализа, систематизации исследуемых объектов (пространственных, физических, информационных и пр.) социальное картирование имеет свои преимущества и ограничения. К преимуществам карты можно

отнести открытость, опознаваемость, упорядоченность, обзорность, читаемость информации об объекте [3. С. 21], доступность для конечного пользователя. Не случайно «наряду с чтением и счетом, способность к использованию картоподобных моделей является культурной универсалией и способность к пониманию и действию в соответствии с ними приобретает в раннем возрасте во всех культурах» [14. С. 165]. Отображая территориальную общность в социально-пространственном контексте, карта дает возможность увидеть то, что сложно рассмотреть в статистической информации: смежность (территориальное соседство), близость или удаленность, согласованность или рассогласованность различных территориальных рисунков, пространственные связи, сети, неравномерность распределения, скопления на территории и т.д. [30. С. 231]. Вместе с тем важно помнить, что карта — это всегда упрощенность и схематичность подачи информации, что само по себе ограничивает ее применение. Поэтому картирование редко выступает единственным методом исследования и используется в сочетании с другими методами.

В течение десятилетий как в зарубежной, так и российской исследовательской практике картированием социального пространства занимались социальные географы, чаще всего в связи с социально-экономическими исследованиями. Но в последнее время круг исследователей, использующих данный метод, существенно расширился за счет социологов, специалистов по планированию и управлению, что оказало существенное влияние как на задачи и предметное поле картирования, так и используемые технологии.

В настоящее время в практике социального картирования используется:

— масштабное картирование — отображение информации в специальной системе условных знаков с помощью печатных карт, ГИС (географическая информационная система), содержание которой соответствует содержанию карты и определенного вида и масштаба;

— эскизное картирование — произвольное отображение пространства индивидом, группой индивидов без учета масштаба и устоявшейся картографической символики;

— трансект-прогулки — отображение социально-пространственной информации об объекте, собранной в процессе прохождения наблюдателей по заранее намеченному маршруту.

Разнообразие целей и видов определило разнообразие стратегий социального картирования, используемого инструментария при изучении общественного участия. Каждая стратегия по-своему отвечает на вопросы: зачем необходима карта, информацию какого рода мы хотим получить и готовы ли мы влиять на характер участия в социально-территориальном пространстве? Можно выделить несколько основных исследовательских стратегий, использующихся в практике исследований социально-территориальных общностей. Опираясь на приоритетные сферы использования карт, условно определим их виды:

— менеджеральная стратегия — построена преимущественно на методологии количественных исследований и данных о характере участия, его потенциале,

есть часть комплексной оценки социального благополучия, социального, социально-экономического или социокультурного потенциала сообщества с целью планирования развития территории, привлечения инвестиций, разработки иных управленческих решений;

— проектно-диагностическая стратегия — построена на методологии качественных исследований направлена на антропоцентричный анализ территории и общности на основе субъективного восприятия ее жителями. Исследование потенциала общественного участия в данном случае осуществляется через анализ участия жителей в процедуре картирования и ее результатах — «расшифровку субъективных смыслов заложенных в ментальных картах» [7. С. 76] с целью диагностики сообщества и мобилизации внутренних социальных ресурсов, оценки перспектив и уточнения стратегий реализации конкретных проектов по развитию территории или общности;

— социально-сетевая стратегия — построена на методологии сетевого анализа и моделирования, анализе количественных и качественных характеристик социальных сетей в сообществе для понимания характера социальных коммуникаций, неинституциональных обменов, выделения неформальных солидарностей в пространственном и временном контексте с целью оценки состояния и ресурсов преимущественно социального участия и социального капитала членов локальной территориальной общности.

Охарактеризуем данные стратегии подробнее.

Менеджеральная стратегия в социальном картировании чаще всего используется в том случае, если целью исследования становится изучение социальных процессов, протекающих в социально-территориальной общности и собственно характера участия в социально-пространственном контексте, его потенциала, форм, факторов с целью принятия управленческих решений. Интерес к общественному участию фокусируется на ключевых вопросах участия, выделенных еще С. Вербой: кто участвует, в отношении чего и как? [32. С. 54].

Для ответа на первый и второй вопросы карта должна содержать данные социально-демографического характера, сведения об отношении населения к проблемам территории и его поведенческих предпочтениях по участию в решении социальных проблем. Актуальность указанных данных для понимания потенциала участия подтвердили исследования, проведенные А. Алесайна и Е. Ла Феррара. Они показали, что существует корреляция между характером и активностью участия и следующими параметрами индивида (в порядке убывания): образованием, расовыми, этническими характеристиками (основные), уровнем дохода, длительностью рабочего дня (полный/неполный), наличием детей, возрастом индивида. Например, уровень участия в возрастной группе 30—39 лет ниже, чем в иных возрастных группах, поскольку это время занято браком, детьми, карьерой и пр. Исследователи доказали, что низкий уровень участия присущ группам с относительно высокой степенью исключительности или низким уровнем взаимодействия между его членами. Неоднородность, присущая социальной группе, затрудняет участие [13. С. 884].

На карте могут отражаться и преобладающие формы общественного участия тех или иных социально-территориальных групп. Непременно фиксируются консенсуальные и протестные формы участия, наличие политических, общественных, спортивных, культурных, потребительских, религиозных, экологических, профсоюзных, научных, бизнес-объединений, общественных слушаний, активность населения по участию в политических выборах местного уровня, неформальное участие в общественной жизни, участие в добровольческой деятельности, неформальной помощи и пр. [24. С. 16].

Характер и уровень общественного участия как объект исследования может быть представлен самостоятельно или как непременный компонент социального капитала, часть социально-экономического потенциала сообщества или составная часть более крупных социальных процессов, протекающих на территории. В этом случае объектом картирования может выступать не только собственно факт участия, но и социальные характеристики его потенциала: принадлежность/идентичность, посещаемость/активность, вовлеченность в группы [28. С. 598], социальное доверие [15. С. 47].

Работая над социальной картой, важно помнить, что для адекватной фиксации выявленных артефактов в пространстве требуется значительно больше «координат», чем используется в обычных исследованиях [2. С. 212]. Это может быть обеспечено и за счет расширения методов сбора информации для построения карты. Может использоваться опрос, зондажно-информационное исследование, информативно-целевой анализ различных документов и т.д. Целесообразно дополнить карту данными относительного ранжирования местных хозяйств на основе квотной выборки (например, по степени престижности, социально-экономическим условиям жизни). Это поможет выделить целевые группы для дальнейших исследований и обеспечит мониторинг изменений социального благополучия или изменения критериев благополучия [21. D-42], которые наряду с показателями законности и правопорядка, стабильности также напрямую коррелируются с показателями участия [24. С. 25—26].

При таком подходе к построению карты она используется как инструмент для многомерного анализа, прогнозирования факторов, влияющих на дисперсии в участии и активности определенных социальных групп. В случае если характеристики участия дополняются иными социально-экономическими характеристиками сообщества, карта позволяет выявлять зоны риска, социальных напряжений, зависимость качества жизни от факторов, дифференцирующих состояние среды обитания, ее символическую и реальную ценность, прогнозировать формирование социального капитала и характер социальных процессов на территории. Такие карты создаются методом масштабного картирования с использованием современных ГИС и имеют перспективы как инструмент планирования и социального прогнозирования, что в определенной степени соответствует традициям создания социально-экономических карт, но требует серьезных ресурсных вложений. Опыт разработки карт автором статьи показывает, что как основа для социального диалога данный вид картирования обладает ограниченными возможностями на этапе созда-

ния карты, даже если к сбору информации привлекаются члены сообщества, но может быть перспективен как основа и источник социальной рефлексии на этапе ее презентации и дальнейшего использования.

Однако особенности социальных процессов, протекающих на той или иной территории, не всегда могут быть поняты только через анализ социально-статистической информации. Пространство всегда наполнено взаимодействием, и важное значение имеет смысл, который оно приобретает для взаимодействующих. Поэтому для понимания потенциала территории важно понимание и свойственного жителям чувства места, того как они представляют себе пространство. Как отметил А.Ф. Филиппов, не пространство, но совершаемое душой членение и сопряжение его частей имеет общественное значение. Соотнесение двух перспектив, перспективы исследователя и перспективы исследуемых ставят нас перед социологической проблемой понимания [8. С. 132—133].

Невозможность диагностировать социально-пространственные проблемы развития населенных пунктов, стимулировать вовлечение общественности в решение проблем территории и локальной территориальной общности при реализации конкретных проектов без диагностики образов территории, сформированных у местных жителей, лежит в основе еще одной стратегии картирования — *проектно-диагностической*, отражающей скорее феноменологический взгляд на работу по созданию и чтению карт. Однако, будучи еще одной системой символических представлений, карта объективирует представления о территории ее авторов, становясь методом социального конструирования реальности. В данном контексте метод картирования используется в инструментальных целях на начальном этапе исследований в локальных социально-территориальных общностях городов и небольших по размеру населенных пунктах с целью общей диагностики ситуации на территории, для последующей разработки или конкретизации программы исследований. Социальная диагностика потенциала участия осуществляется в данном случае через привлечение местных жителей к самому процессу создания карт.

Особенностью данной стратегии можно считать приоритетное использование качественных, этнографических методов сбора данных для карты. Картирование в данной стратегии может осуществляться через создание индивидуальных и групповых карт.

Индивидуальная карта является репрезентацией индивидуального образа социально-территориального пространства. Как отметил К. Линч, общественный образ города создается из множества индивидуальных. Всякий индивидуальный образ уникален, он охватывает какое-то содержание, которое никогда или почти никогда не передается другим, но при этом он в большей или меньшей степени совпадает с общественным в различных типах окружения с большей или меньшей обязательностью [3. С. 23]. В данном случае речь идет о ментальных картах местности, носителями которых является каждый житель в своей повседневной жизни. Они могут представлять собой графический ответ на полуформализованное интервью, чтобы респондент, используя придуманные символы и их пространственное распределение, мог лучше представить и отобразить свои личные ассоци-

ации с характеристиками сообщества [27. С. 104]. Создание таких карт перспективно для сравнительного анализа образов социальной жизни, носителями которых являются представители различных социальных групп, отобранных по различным основаниям: доходам, длительности проживания на территории (мигранты-старожилы), уровню социальной активности, доступу к власти, гендерным характеристикам и пр. Способом мобилизации личного и коллективного опыта выступает групповое картирование. В западной практике проектных исследований реализуется с помощью технологически выверенного и широко тиражируемого метода совместного картирования (*participatory mapping*).

Совместное картирование определяется как инструментарий [29. С. 1], применяемый при осуществлении социологических исследований метод сбора и записи пространственных данных от жителей о местных практиках и традициях, доминирующих общественных ценностях, ресурсах общности и территории, рисках, представлениях об альтернативных сценариях развития сообщества [29. С. 3], об отношении населения к местным ресурсам или проблемам [23. С. 551], о барьерах участия [20. С. 2]. Важно, что в совместном картировании в фокус исследования попадает не только собственно карта, но и процедура ее создания [27; 33]. Она позволяет определить уровень информированности различных групп, расширить круг вовлекаемых в процесс социального развития территории членов местного сообщества, вести обсуждение по вопросам, по которым не всегда легко общаться.

Парадоксально, но данный метод общественной диагностики, изначально разработанный исследователями при поддержке Всемирного банка на основе методик экспертных оценок сельского участия, агроэкосистемного анализа и быстрой сельской оценочной экспертизы в конце 1980-х гг. [20] для решения проблем землепользования в развивающихся странах, оказался востребованным в последнее десятилетие и в странах Европы, США. Он используется как инструмент координации процесса обсуждения и влияния на общественное мнение, достижения консенсуса, поддержки принятия решений и дополнительный канал коммуникации и обратной связи с местным сообществом. Совместное картирование позволяет вовлекать в проектную деятельность те или иные социальные группы в соответствии с целями проекта. К примеру, молодежь и подростки могут создавать интерактивные карты территории, на которой проживают, с целью обучения и вовлечения учащихся в решение социальных проблем территории. Ими создается регистр исторических мест, фиксируются современные активы территорий (карт соседства). Это дает возможность для расширения прав и перспектив влияния членов сообщества на его развитие. Кроме того, работа над картой способствует развитию чувства места и идентичности, повышению ответственности и способности объединяться для планирования совместной деятельности субъектов социальной политики.

Как стратегия социального исследования, совместное картирование основано на методологии *action-research* (AR), называемой в российской социологической литературе «активное исследование» [11. С. 179] или «исследование действием» [6. С. 127]. В этой стратегии, соединяющей в себе практическое действие и на-

учное исследование, центром исследовательской практики становится взаимодействие изучающего и изучаемого. Это накладывает на исследователя двойные обязательства, связанные с изучением системы и одновременно сотрудничеством с членами системы в процессе ее изменения в выработанном совместно направлении [25]. По мнению Д. Коглан и Т. Бранник [18. С. 4—5], «исследование действием» сохраняет объективистский взгляд на онтологию, первичность социальной и физической реальности по отношению к человеческому сознанию, но опирается на «субъективистскую эпистемологию». Оно ориентируется на взгляд участника социального процесса, который наделен знанием о смыслах и интенциях изучаемой практики и «инсайдерскую» включенность исследователя и его «субъектную» позицию в исследовании [6. С. 128].

Процессуально совместное картирование является этапом исследования территории и сообщества и осуществляется через несколько проектных сессий, которым предшествует серия интервью с членами сообщества. Проектные сессии представляют собой совместную деятельность исследователей-проектировщиков и малой группы, состоящей из членов социально-территориальных сообществ. Особое внимание уделяется отбору участников, их мотивации, поощрению и ответственности. Чаще всего отбор осуществляется через прямое приглашение жителей, референтных для тех или иных групп [31. С. 6]. Заранее продумывается формат карты, в определенных случаях, но не обязательно карта может создаваться с использованием ГИС, а может быть выполнена в эскизной технике с чистого листа. Последний прием предпочтительнее, так как дает больше возможностей для отображения субъективного образа территории, понимания ее субъективных границ и значимых объектов.

На сессиях построения карты участники делятся своими наблюдениями и личными историями. Обсуждается сущность участия, собственный опыт добровольчества и участия, дается оценка событий, учреждений и организаций в терминах места и пространства, где оно происходит [31. С. 12]. Информация для карты может быть получена и в ходе трансепт-прогулок, т.е. совместного прохождения группы исследователей и местных жителей заранее намеченного маршрута с одновременным обсуждением тех или иных проблем и ресурсов территории. Данный метод позволяет собрать информацию о доступе к потребительским, социальным, культурным сервисам, местам работы, государственным услугам, характеру соседства (безопасность, внешний вид как стремление к поддержанию свойств), формам проявления социальной активности и пр.

Работа группы местных жителей и исследователей в период сессий организована циклично в соответствии с логикой AR, где каждый цикл себя включает планирование, действие, наблюдение, рефлексия. Отдельными объектами анализа исследователей является процесс построения карты, в частности, характер и порядок нанесения информации на карту и коммуникации участников. Обращается внимание на мотивацию к участию, выделяемые возможности и барьеры для участия по реализации своих интересов тех или иных групп. В данном варианте карта выполняет двойную функцию: она служит самостоятельным источни-

ком информации и стимулирует обсуждение, выполняя роль творческой визуальной подсказки, стимулирующей и поощряющей участников к диалогу на ранней стадии проекта. В дальнейшем информация, полученная в ходе построения карт, может быть дополнена глубинными интервью участников картирования и других членов сообщества, краткими письменными опросами жителей о шаблонах мобильности, привычках взаимодействия и рейтингах удовлетворенности отношениями соседства.

Полученные данные помогут ответить на вопросы относительно проблем и эффективности социальных инвестиций, реализуемых социальных проектов, программ, уровня социального доверия и традиций социального участия решения проблем, характера социальной идентичности, проблем, ресурсов и перспектив общественного участия, его социально-культурного контекста, перспектив диалога тех или иных групп населения и власти.

Возможность взаимодействия представителей местного сообщества, проектировщиков и местной администрации может являться способом профилактики и урегулирования конфликтов в сообществе, создания зон коллективного согласия. К примеру, это может быть перспективно при урегулировании выделенных Ю. Филипповым конфликтов альтернативных целей, когда поддержание стратегии экономического роста вступает в конфликт с целью сохранения природных ресурсов и культурного наследия [9. С. 71—72]. В этом контексте становится важен не только социальный диалог в процессе совместного создания карты, но и ее последующие презентации в сообществе, местной администрации. Все эти процессы, в свою очередь, тоже могут быть предметом исследования, вынуждая исследователя периодически переходить с позиции планирующего и действующего на позицию наблюдающего и анализирующего.

Когда же на первое место выходит необходимость анализа пространственных характеристик социальных отношений (пространственное распределение, пространственная изоляция), характера социальных взаимодействий жителей, уточнения социально-пространственных границ локальных территориальных общностей, наиболее перспективной может стать стратегия картирования, опирающаяся на *социально-сетевую стратегию*. Собственно сетевые карты представляют собой результат наложения сетевых графиков на географическую карту или топографический план.

В процессе построения сетевых карт исследователями социальных сетей решается целый ряд задач: поиск связей, различий, обратных связей между отдельными лицами, группами, между людьми и территорией; сравнение отдельных лиц, групп и отношений в географическом контексте при необходимости в связи с анализом временных изменений [30. С. 230—231]. Акторами могут выступать не только индивиды, но и неформальные группы, организации, что дает большие перспективы для изучения участия через призму взаимодействий, влияния. Наложение социальных сетей на карты способствует пониманию того, как расстояние влияет на взаимодействия, характер их формирования и поддержания, как пространственно распределяются места концентрации связей, создаются неформаль-

ные солидарности и осуществляется их распространение. Территориальный рисунок сетей позволяет выделить определенные территориальные группы населения в соответствии с внутренней структурой общности, общепринятой для ее жителей, а также согласно ключевым поселениям и их элементам вне общности [4. С. 114], а также увидеть их плотность и активность на территории.

Социально-сетевая стратегия перспективна для анализа в первую очередь социального участия. Однако при сочетании карты и диаграмм для одновременной репрезентации социального и пространственного распределения отношений наряду с информативностью растет и сложность карты для чтения. Попытки хотя бы частично преодолеть данную проблему стимулируют развитие социального картирования в интерактивном пространстве.

Представленные выше стратегии являются основными направлениями визуального отображения структурных и содержательных аспектов общественного участия населения в социально-пространственном контексте. Сегодня социальное картирование включает в себя не только пространственно-графическое отображение реальности, но и информационно-графическое. Оно представляет собой последовательное описание объекта на основе принципа географического распределения какого-либо социального явления [26; 28]. Осуществляется это, как правило, через систематизацию стандартизированной информации, полученной на основе анализа документов, веб-сайтов организаций, формализованных опросов экспертов о социальных сетях, общественных объединениях, социальных программах разных стран, регионов, населенных пунктов. Картирование участия данного формата направлено на описание характера деятельности, ресурсов организаций, имеющегося круга экспертного и исследовательского сообщества по проблемам, опыту вовлечения в общественную деятельность групп, выделенных по возрастному, этническому, гендерному или профессиональному признаку. Чаще всего такие карты содержат описание программ по следующим характеристикам: описание организации, разработчика программы, целей программы, целевых групп, содержания деятельности [12; 22]. Несмотря на отсутствие графического отображения пространства, они тем не менее имеют пространственные границы, задаваемые объектом исследования и могут использоваться для анализа форм и масштабов участия формализованных групп.

Таким образом, в настоящее время в исследовательской практике сформировалось несколько подходов и стратегий использования такого метода визуализации диагностики и анализа общественного участия, как картирование. Каждая из стратегий имеет достаточно длительный опыт использования и направлена на репрезентацию явления в его сложности и многоаспектности. Манипуляции с картой во всех случаях имеют прямое отношение к активному воздействию на пространство и установлению над ним контроля [5. С. 58]. Все они могут быть инструментом анализа участия в контексте принятия управленческих решений по развитию территории и общности, социальному проектированию и реформированию. В этом случае картирование выполняет свои традиционные функции: дает широкие возможности для сбора, обмена, систематизации и оценки традиционных знаний

и практик; позволяет выявить пробелы в существующих данных, полученных с помощью иных методов исследований. Вместе с тем расширение целей, предметных областей и методов картирования постепенно смещает акценты с понимания карты как механизма сохранения пространственных данных на карту и процесс картирования как метод общения исследователя с респондентом и потребителем, облегчая оценку существующих программ, процесс принятия решений. Картирование позволяет анализировать тенденции, обучать заинтересованные стороны выделять и оценивать ресурсы сообщества. При определенных условиях даже сама процедура картирования может обеспечивать возможность диалога и взаимодействия заинтересованных сторон, позволяя одновременно изучать характер участия и влиять на него, вовлекая отдельных индивидов и группы в процесс осмысления проблем и процессов, протекающих на территории.

Какая бы стратегия ни выстраивалась, какой бы инструментарий социально-картирования ни использовался, чтобы избежать абстрактного планирования, карты и процесс картирования должны обеспечивать понимание и конкретизацию местных приоритетов, создавать почву для анализа внутренних социальных процессов, влияющих на потенциал и характер общественного участия во всех его проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бурдые П.* Социология политики / Пер. с франц. — М.: Socio-Logos, 1993.
- [2] *Вавилина Н.Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. — Новосибирск, 2000.
- [3] *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. — М.: Стройиздат, 1982.
- [4] *Наумова М.В.* Социальные сети в локальной территориальной общности: подходы к исследованию // Регион: экономика и социология. — 2007. — № 2. — С. 113—120.
- [5] *Орлова Г.* «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Виртуальная социология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. — М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. — С. 57—104.
- [6] *Сабинская О.Б.* Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. — 2007. — № 10. — С. 122—131.
- [7] *Семёнова В.* Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. — М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. — С. 67—81.
- [8] *Филиппов А.Ф.* О понятии социального пространства // Логос. — 2000. — 2. — С. 113—151.
- [9] *Филиппов Ю., Гассий В.* Развитие местных сообществ // Муниципальная власть. — 2004. — № 11—12. — С. 64—72.
- [10] *Холмская М.Р.* Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. — 1999. — № 3. — С. 170—176.
- [11] *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. — М.: Омега-Л, 2009.
- [12] *Active Civic Participation of Immigrants — Mapping the European Research Landscape Working. Paper 1.* Prepared for the European research project POLITIS. — Oldenburg, 2005. URL: <http://www.uni-oldenburg.de/politis-europe>.

- [13] *Alesina A., La Ferrara E.* Participation in Heterogeneous Communities // *The Quarterly Journal of Economics.* — 2000. — Aug. — Vol. 115. — No. 3. — PP. 847—904.
- [14] *Blaut J. M., Stea D., Spencer C., Blades M.* Mapping as a cultural and cognitive universal // *Annals of the Association of American Geographers.* — 2003. — 93(1). — PP. 165—185.
- [15] *Bandura A.* *Self-efficacy: The exercise of control.* — New York: WH Freeman and Company, 2007.
- [16] *Brodie E., Cowling E., Nissen N., Paine A.E., Jochum V. Warburton D.* Understanding participation: A literature review. Pathways through participation project. — London, 2009.
- [17] Carnegie UK Trust: *The shape of civil society to come: report from the Inquiry into the Future of Civil Society in the UK and Ireland.* — London: CarnegieUK Trust, 2007.
- [18] *Coghlan D., Brannik T.* *Doing action research in your own organization / 2nd Ed.* — London: Sage pub., 2005.
- [19] *Cornwall A.* Locating citizen participation // *IDS Bulletin.* — 2002. — 33 (2). — PP. 49—58.
- [20] *Cornwall A., Pratt G. (eds)* *Pathways to participation: reflections on PRA.* — London: Intermediate Technology Productions, 2003.
- [21] *Guijt I., Woodhill J.* *Managing for Impact in Rural Development: A guide for project for M & E.* — Rome: International Fund for Agricultural Development, 2002.
- [22] Map of programmers for adolescent participation during conflict and post-conflict situations September 2003. URL: www.unicef.org/emerg/files/Map_of_Programmes.pdf (дата обращения 12.09.10).
- [23] *McCall M.* Seeking good governance in participatory — GIS: A review of processes and governance dimensions in applying GIS to participatory spatial planning // *Habitat International a journal for the study of human settlements.* — 2003. — Vol. 27. — No. 4. — PP. 549—573.
- [24] *Newton K., Giebler H.* *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations // Discussion Paper. SP. IV.* — Berlin, 2008.
- [25] *O'Brien R.* An Overview of the methodological approach of action research. URL: <http://www.web.net/~robrien/papers/arfinal.html> (дата обращения 23.12.2010).
- [26] *Phillips S.D.* Meaning and structure in social movements: mapping the network of National Canadian Women's Organizations // *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique.* — 1991. — Dec. — Vol. 24. — No. 4. — PP. 755—782.
- [27] *Shalini P. Vajjhala* *Mapping Alternatives: Facilitating citizen participation in development planning and environmental decision making.* Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of: Doctor of Philosophy. — Pittsburgh: Carnegie Mellon University, 2005.
- [28] *Smith C., Lundquist D., Faris R., Regnerus M.* Mapping American Adolescent Religious Participation // *Journal for the Scientific Study of Religion.* — 2002. — Dec. — Vol. 41. — No. 4. — PP. 597—612.
- [29] *Stakeholder engagement strategies for participatory mapping.* — Charleston: NOAA Coastal services center, 2009.
- [30] *Sutcliffe A.* A design framework for mapping social relationships // *PsychNology Journal.* — 2008. — Vol. 6. — No. 3. — PP. 225—246.
- [31] Using participatory mapping to explore participation in three communities. URL: http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/wp-content/uploads/2009/09/Using-participatory-mapping-to-explore-participation-in-three-communities_June-2010.pdf (дата обращения 12.01.11).
- [32] *Verba S.* Democratic Participation // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* — 1967. — Sep. — Vol. 373. — Vol. 2. — PP. 53—78.
- [33] *World Bank Participation SourceBook. Environmental Department Papers.* — Washington D.C.: World Bank, 1997.

STRATEGIES OF SOCIAL MAPPING OF PUBLIC PARTICIPATION: SOCIAL-TERRITORIAL CONTEXT

I.A. Skalaban

Chair of social work and social anthropology
Novosibirsk State technical university
Marx avenue, 20, Novosibirsk, Russia, 630092

At the time of social reform in social-territorial communities, it is impossible to encourage public participation without a clear understanding of its specific features and potential. The article examines a rarely used method for diagnosing public participation in the social-territorial context — the method of social mapping.

The author reveals the essence of the method, identifies and describes the main strategies of social mapping of public participation used in today's social research in Russia and other countries.

Key words: public participation, social participation, social space, social-territorial community, social mapping, joint mapping, research by action.